

УДК 347
DOI 10.52452/19931778_2024_2_89

**КОНФИСКАЦИЯ (ст. 104.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ)
И ОБРАЩЕНИЕ ВСЕГО ПОЛУЧЕННОГО СТОРОНАМИ
ПО АНТИСОЦИАЛЬНОЙ СДЕЛКЕ В ДОХОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ст. 169 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ): ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ
И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕДИНООБРАЗИЯ В ПРИМЕНЕНИИ**

© 2024 г.

В.А. Гончарова

Томский государственный университет, Томск

valeria.goncharova.93@bk.ru

Поступила в редакцию 22.12.2023

Статья посвящена вопросам толкования и применения ст. 169 Гражданского кодекса РФ для целей изъятия у виновных лиц доходов, имущества, полученного ими в результате совершения преступления. Сделан вывод о том, что в силу неэффективности уголовно-правовой конфискации суды вынуждены применять гражданско-правовые механизмы, восстанавливая тем самым законность и справедливость.

Ключевые слова: антисоциальная сделка, конфискация, метод гражданско-правового регулирования, судебная практика, реформирование гражданского законодательства.

Статья 35 Конституции РФ в качестве одного из фундаментальных общеправовых начал устанавливает принцип неприкосновенности собственности – невозможности для лица быть лишенным своего имущества не иначе как по решению суда. По обоснованному мнению В.В. Долинской, в реализации данного принципа следует выделять три базовых аспекта: исчерпывающий перечень оснований принудительного прекращения права собственности, связь возможности безвозмездного изъятия имущества у собственника исключительно с наличием соответствующего решения суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения, в иных случаях – лишь при наличии соразмерной компенсации [1]. Как справедливо отмечает автор, вопросы принудительного прекращения права собственности всегда находились и находятся на острие в цивилистической доктрине, поскольку связаны с разрешением проблем в обеспечении баланса публичных и частных интересов [1, 2]. Близкой к изложенной позиции придерживается В.Н. Соловьев, отмечавший, что, несмотря на ориентированность оснований возникновения публичной собственности на достижение социально и государственно значимых интересов, «особенно важно соблюдать баланс публичных и частных интересов, чему и должна способствовать расширенная система гарантий прав частного собственника, поскольку нарушение права частной собственности может негативно сказаться на социальной составляющей общественной жизни всего государства» [3]. Эффективное сочетание

частных и публичных интересов способствует достижению «согласования юридически значимых конфликтующих (противоречивых) социальных интересов участников общественных отношений путем их сбалансированного опосредования гражданскими правами и обязанностями в целях преодоления конфликта интересов и обеспечения пользования их носителями социальными благами имущественного и личного неимущественного характера» [4, с. 11].

В контексте изложенного очевидно, что строго должен быть определен не только собственно перечень оснований прекращения права собственности граждан и организаций – правила и случаи применения данных способов также должны быть понятны и не вызывать существенных противоречий в толковании и применении. Требования формальной определенности правовых норм (их точности, ясности, непротиворечивости, понятности для субъектов соответствующих правоотношений), предсказуемости правового регулирования, его стабильности и предвидения правовых последствий составляют содержание сформулированного Конституционным Судом РФ принципа правовой определенности, последовательно используемого им в его актах с 1993 года [5]. Об особом значении данного принципа свидетельствует, в частности, позиция Суда, сформулированная им в Постановлении от 26.03.2020 №13-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 30 Федерального закона "О Следственном комитете Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Е.С. Горяева», в рамках

которого он указал на особое значение принципа правовой определенности для целей назначения мер юридической ответственности, являющегося основой конституционного правопорядка и обязательным для законодателя и правоприменительных органов, в том числе судов.

В то же время анализ российского законодательства, а также практики его применения свидетельствует об отсутствии правовой определенности в вопросах, связанных с толкованием и применением норм о конфискационных мерах, назначаемых при совершении лицом уголовно наказуемого деяния.

Очевидно, что прежде всего подобные действия должны влечь применение к лицу соответствующих мер уголовно-правового воздействия, к числу которых уголовный закон относит, в частности, конфискацию. Так, согласно ч. 1 ст. 104.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) конфискация представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора полученного в результате совершения некоторых преступлений имущества, результатов его преобразования или превращения, имущества, используемого или предназначенного для финансирования терроризма, экстремистской деятельности и проч., орудий, оборудования и иных принадлежащих обвиняемому средств совершения преступления. Гарантией возможности конфисковать соответствующее имущество является арест, применяемый судом по ходатайству органов, осуществляющих предварительное расследование (ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)).

Анализ юридической литературы свидетельствует о наличии различных позиций относительно понятия и роли конфискации как соответствующей принудительной меры. Так, по мнению А.А. Пропостина, «конфискацию вне зависимости от ее отраслевой принадлежности и формы ее закрепления можно определить как принудительное, окончательное, безвозмездное изъятие государством имущества с предоставлением государству права определять его судьбу» [6, с. 131]. Д.Ю. Борченко отмечает, что конфискации в уголовном праве присущи исключительные и особые функции, в числе которых, в частности, – лишение лица имущества, полученного в результате преступления, восстановление и упорядочивание «нормативной основы отношений собственности и нормальной экономической деятельности, устранение имущественной основы некоторых преступлений, изъятие орудий их совершения, обеспече-

ние возмещения причиненного преступлением ущерба» [7, с. 7].

Признавая конфискацию исключением из принципа неприкосновенности собственности, Верховный Суд РФ в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» указывает на необходимость строгого соответствия Конституции РФ деятельности судов по ее применению.

Не исключено при этом, что совершаемые деяния, с позиции уголовного права определяемые в качестве преступлений, одновременно являются сделками [8, 9], имеющими дефект в части содержания. Так, гражданское законодательство в числе оснований недействительности сделок – действий граждан и юридических лиц, направленных на возникновение, изменение и прекращение гражданских прав и обязанностей (ст. 153 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)), – содержит указание на их противоречие закону или иному правовому акту (ст. 168 ГК РФ), а также на их совершение с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ). В первом случае закон по общему правилу исходит из оспоримости совершенных сделок, за исключением случаев их противоречия публичным интересам или интересам третьих лиц, однако допускается, что возможны и другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. В случае же совершения сделки с целью, противной основам правопорядка или нравственности (так называемой антисоциальной сделки¹), действует общее последствие недействительности сделок в виде реституции, иначе – возврата сторон в первоначальное положение (ст. 167 ГК РФ), либо – в случаях, предусмотренных законом, – частное последствие в виде взыскания всего полученного сторонами, действовавшими умышленно, по сделке в доход Российской Федерации или иных последствий, установленных законом.

Толкуя представленные законодательные положения применительно к ст. 169 ГК РФ, Верховный Суд РФ в п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указал на то, что в качестве сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности, могут быть квалифицированы сделки, которые нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации

общества, его нравственные устои. К названным сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте (соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.); сделки, направленные на изготовление, распространение литературы и иной продукции, пропагандирующей войну, национальную, расовую или религиозную вражду; сделки, направленные на изготовление или сбыт поддельных документов и ценных бумаг; сделки, нарушающие основы отношений между родителями и детьми.

Буквальное прочтение представленного толкования указывает на возможность выделения в совокупности сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности, сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта, в связи с этим по существу формирующих состав уголовного преступления или административного правонарушения, и сделок, не относящихся к нарушениям законодательства. С рассматриваемых позиций очевидно, что состав недействительности сделки, предусмотренный ст. 168 ГК РФ, поглощается составом ст. 169 ГК РФ [10].

Изложенное порождает закономерное следствие: в первом случае последствием совершения антисоциальных сделок не может являться традиционная двусторонняя реституция, допускаемая диспозицией ст. 169 ГК РФ лишь в качестве общего ее последствия; речь, прежде всего, должна идти о применении мер уголовной, административной ответственности, иных принудительных мер публично-правовой природы, что в рамках анализируемой статьи охватывается формулировкой «иные последствия, установленные законом», либо – в случае возможности применения в том числе административной или уголовно-правовой конфискации – предполагает взыскание в доход Российской Федерации всего полученного по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно.

На первый взгляд, возможность подобного толкования законодательных положений может вызывать справедливую критику. Так, в качестве аргумента против представленной позиции может быть приведен п. 2 ст. 3 ГК РФ, предполагающий, что в качестве законов, указание на которые содержится в гражданском законодательстве, следует рассматривать лишь собственно ГК РФ и те законодательные акты, которые должны соответствовать ему и которые регулируют отношения, входящие в предмет гражданского права.

В то же время анализ отечественной цивилистической доктрины свидетельствует о том, что по вопросу о возможности рассмотрения различного рода уголовных и административных мер принуждения в качестве последствий антисоциальных сделок сформировалось несколько совершенно различных точек зрения, появившихся в том числе под влиянием реформирования отечественного законодательства.

Согласно первой из них, санкция, предусмотренная в ст. 169 ГК РФ в ее редакции до 2013 года², воспринималась в науке и судебной практике в качестве *законной возможности взыскания всего полученного по антисоциальной сделке, в том числе, например, по взятке, в доход государства либо только с одной стороны (что именовалось в доктрине гражданского права односторонней реституцией), либо с обеих (также – недопущение реституции)*. Известным в указанном аспекте является вывод, сформулированный Верховным Судом РФ в Постановлении Президиума от 5 февраля 2003 г. № 850п02, о квалификации получения взятки в качестве антисоциальной сделки и, как следствие, о возможности применения к ней последствий, установленных ст. 169 ГК РФ. Суд поддержал нижестоящие инстанции и отметил, в частности, что «получение осужденными ценностей от взяточдателей является сделкой, притом недействительной, поскольку сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна. Доводы жалобы (поданной в Верховный Суд. – В.Г.) о том, что судом не могла быть применена ст. 169 ГК РФ, неосновательны».

Примечательно при этом, что именно в указанный период начал развиваться подход к трактовке последствий, установленных в ст. 169 ГК РФ, как *резервных, дополнительно применяемых и наравне с уголовно-правовой конфискацией*, что нашло отражение в Концепции совершенствования общих положений ГК РФ [11, с. 65], а также позже было поддержано в доктрине [12, 13]. Данная позиция сформировала второй подход в осмыслении рассматриваемой проблемы.

Согласно же третьей позиции, косвенно выраженной в Постановлении Пленума ВАС РФ от 10 апреля 2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением ст. 169 ГК РФ», последствия нарушения публичного порядка – уголовного преступления, административного правонарушения – и последствия гражданско-правовой сделки следует четко дифференцировать.

Возвращаясь к состоянию современного регулирования, отметим, что, на первый взгляд,

ясность по указанному вопросу в связи с толкованием Верховного Суда РФ достигнута: как представляется, признана бланкетность положений ст. 169 ГК РФ в связи с указанием в ней некоего закона как основания для обращения взыскания, иными словами – поддержан некогда сформированный Высшим Арбитражным Судом РФ подход.

В то же время практика применения анализируемых положений законодательства свидетельствует о наличии существенных противоречий в системном толковании ст. 169 ГК РФ. Так, в июне 2023 года предметом рассмотрения Верховного Суда РФ стала жалоба лица – гражданина Лямина В.А. – на решения нижестоящих судов в связи с применением к нему последствий ничтожности сделки в виде взыскания всего полученного по сделке в доход государства по ст. 169 ГК РФ. Ранее указанное лицо было признано виновным в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «в» ч. 5 и ч. 6 ст. 290 УК РФ, в связи с чем к нему в порядке ст. 104.1 УК РФ была применена конфискация полученных в результате преступления 40 000 рублей. Предметом же поданного против него искового заявления в гражданском порядке являлось «довзыскание» иных денежных средств, приобретенных в результате указанных преступных действий, в размере 1 751 400 рублей.

В *Определении от 13 июня 2023 г. № 88-КГ23-2-К8* Суд в русле ранее сделанных толкований указал на возможность некоторых сделок образовывать состав преступления, отметив при этом необходимость существования особого, специального закона, допускающего обращение взыскания на полученные преступным путем денежные средства. Без такового реализация подобной меры невозможна. По его мнению, однако, под законом, указанным в ст. 169 ГК РФ в качестве основания для обращения взыскания, не может пониматься УК РФ – нормативно-правовой акт, регулирующий совершенно иные отношения³. На основании изложенного Судом не была поддержана позиция нижестоящих судов о взыскании с заявителя денежных средств, не конфискованных ранее по обвинительному приговору.

Примечательно, что в *апелляционном определении судебной коллегии по гражданским делам Томского областного суда от 4 мая 2022 года* по рассматриваемому делу суд исходил не из бланкетности ст. 169 ГК РФ, а придерживался по сути совершенно иной позиции – о резервном характере предусмотренных ею последствий преступления, указав, что «поскольку получение Ляминым В.А. денежных средств в виде взяток носило заведомо антисоциальный

характер для всех сторон сделки, суд (первой инстанции. – В.Г.) пришел к правильному выводу о том, что соответствующие действия являются недействительной сделкой в силу ничтожности, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности. Последствием недействительности сделок является взыскание денежных средств, полученных Ляминым В.А. в виде взяток вследствие совершения преступления, в доход Российской Федерации». Данная позиция была поддержана судом кассационной инстанции в *определении судебной коллегии по гражданским делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 6 сентября 2022 года*, а также при повторном рассмотрении дела и судом первой инстанции. Последний в своем *решении от 15 сентября 2023 года* отдельно обратил внимание на то, что при постановлении приговора в отношении лица – ответчика по настоящему делу не решался вопрос о конфискации всей полученной в результате совершения преступления суммы, и со ссылкой на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 ноября 2018 года № 2855-О отметил недопустимость нахождения у осужденного добытого преступным путем имущества. Позиция суда первой инстанции была вновь поддержана Томским областным судом в *апелляционном определении от 22 ноября 2023 года*⁴.

Следует заметить, что представленный подход судов первой, апелляционной и кассационной инстанций в целом традиционен для российских правоприменителей⁵ и, очевидно, связан с трудностями назначения уголовно-правовой конфискации. Так, как отмечают О.А. Буркина и А.А. Устинов, распространены ситуации, когда «удается подвергнуть конфискации лишь то имущество, с которым виновного «схватили за руку» во время конкретного преступления, а основная масса нажитого преступным путем имущества остается вне досягаемости правоохранительных органов» [14, с. 124]. Аналогичная позиция была высказана и А.А. Пропостиным, отмечавшим определенную непоследовательность законодателя в регулировании рассматриваемой меры, проявляющуюся в наделении конфискации статусом иной меры уголовно-правового характера и невозможности для нее в собственном современном воплощении быть адекватной мерой наказания за совершенное преступление [6].

Однако, несмотря на всю возможную справедливость рассматриваемого довызыскания, понимания санкций ст. 169 ГК РФ как резервных в контексте неполного – по каким-либо причинам – использования потенциала конфискации как

иной меры уголовно-правового характера в обвинительном приговоре, думается, законных оснований для поддержанного нижестоящими судами расширительного толкования ст. 169 ГК РФ и основанного на нем применения законодательных положений нет.

Во-первых, в условиях действующего регулирования затруднительно признать возможность довыскания у лица каких-либо преступно полученных денежных средств, иного имущества, минуя механизм уголовно-правовой конфискации, с применением исключительно последствий ст. 169 ГК РФ в силу самого отсутствия последних. Статья 169 ГК РФ не может быть истолкована как «норма в норме»: содержащаяся в ней отсылка к закону, регламентирующему основания обращения всего полученного по сделке в доход государства, не является отсылкой к самой ст. 169 ГК РФ, вводящей лишь понятие и **бланкетно** устанавливающей последствия антисоциальной сделки. На данное обстоятельство было обращено внимание Верховным Судом РФ, а также ранее А.П. Сергеевым и Т.А. Терещенко, которыми со ссылкой на пояснительную записку к вносимым в гражданское законодательство изменениям отмечается, что «предложение о сохранении конфискационных последствий в виде взыскания всего причитающегося по сделке в доход государства в случаях совершения сделки с вещью, изъятой из оборота, ... или сделки, предметом которой является деяние, обладающее признаками преступления или административного правонарушения, ... сможет быть воплощено судами только в случае внесения специальных указаний в закон, допускающих применение таких последствий, и при одновременном обосновании умысла хотя бы у одной из сторон» [15]. Анализ же положений российского законодательства свидетельствует о том, что в настоящее время отсутствует закон, допускающий применение каких-либо конфискационных мер к совершившему преступление лицу уже после постановления в его отношении обвинительного приговора.

Во-вторых, последствие антисоциальной сделки, понимаемое как некое самостоятельное взыскание, предусмотренное гражданским законодательством, по существу являющееся санкцией, не соответствует его общим началам, характеристике метода частноправового регулирования общественных отношений: по справедливому утверждению С.А. Сеницына и Е.В. Позднышевой, «задачи гражданско-правового регулирования, функции и принципы гражданского права..., изначально не преследуют цели репрессивного воздействия на правонарушителя, а потому гражданско-правовые

санкции направлены преимущественно на восстановление положения, предшествовавшего правонарушению» [16, с. 7, 17]. Кроме того, государство не является стороной совершенной антисоциальной сделки, вследствие чего использование именно гражданско-правовых способов защиты его прав не представляется возможным.

Абсолютно обоснована позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Определении от 26 ноября 2018 года № 2855-О, о том, что сохранение в пользовании виновного лица денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения им преступления, потенциально способствовало бы такому общественно опасному и противоправному поведению, а потому противоречило бы достижению задач УК РФ. Однако на разрешение судьбы именно таких денег, ценностей и иного имущества должны быть ориентированы нормы публичного, а именно – уголовного законодательства, которые в условиях собственной неэффективности и нуждаются в совершенствовании; ст. ст. 169 и 243 ГК РФ в рассматриваемом аспекте же лишь вводят согласованность в определение оснований прекращения права собственности, а потому не могут рассматриваться как устанавливающие некие самостоятельные санкции. Неясна причина, по какой гражданскому законодательству в условиях наличия уголовно-правовой конфискации и возможности ее совершенствования, обновленной и уже совершенно иной по содержанию нормы ст. 169 ГК РФ должна отводиться роль некоего резерва в обращении всего полученного в результате преступления в доход Российской Федерации, противоречащего при этом самой его природе [18].

В то же время с позиции буквального толкования ст. 169 ГК РФ нельзя полностью согласиться и с подходом Верховного Суда по рассматриваемому делу. Формально адекватным ее обоснованием явилось бы указание как раз на бланкетный характер ст. 169 ГК РФ, отсылающей **в том числе** к положениям уголовного законодательства о конфискации, уже примененной к лицу, совершившему преступление. Правила о конфискации как иной мере уголовно-правового характера не предполагают возможности обнаружения имущества после постановления приговора, изменения его в соответствующей части; иной же закон, допускающий обращение взыскания на преступно полученные доходы, действительно, отсутствует.

Однако даже при подобном возможном обосновании неясно, по какой причине высшая судебная инстанция отошла от сложившегося, хотя и не вполне соответствующего законодательству, толкования ст. 169 ГК РФ. Устоявшаяся

яся за многие годы трактовка последствий, предусмотренных в ст. 169 ГК РФ, как резервных, в условиях неэффективной или неиспользуемой уголовно-правовой конфискации все же обеспечивает изъятие у виновного лица всего полученного в результате совершенного им преступления и тем самым восстанавливает социальную справедливость и законность. Безусловно, решение вопросов, связанных с отображением такого имущества, должно происходить в рамках уголовного процесса, а его судьба должна разрешаться в соответствующем обвинительном приговоре, однако в настоящее время, в силу исключительно затрудненности уголовно-правовой конфискации, норма ст. 169 ГК РФ, хотя и бланкетно вводя последствия анти-социальной сделки, вынужденно рассматривается судами как единственное по существу средство борьбы с присвоением преступно полученных доходов, не конфискованных по обвинительному приговору.

Складывается ситуация, при которой судам приходится толковать положения ст. 169 ГК РФ вопреки их буквальным формулировкам, достигая тем самым цели, несвойственные гражданскому судопроизводству и праву как таковому. Представленное состояние правоприменения, ставшее следствием несбалансированности и неэффективности, прежде всего, уголовного законодательства, вызванные этим различные подходы к толкованию одного и того же нормативного положения – все это не соответствует принципу правовой определенности и формирует условия для возможного нарушения прав граждан и организаций. Усугублению положения может способствовать и обозначенный Верховным Судом в июне 2023 г. подход, идущий вразрез со сложившейся практикой, допускающий по существу оставление у совершивших преступление лиц незаконно полученного имущества.

Выходом из сложившейся ситуации явилось бы последовательное и фундаментальное совершенствование норм об уголовно-правовой конфискации и следующее за ним снятие со ст. 169 ГК РФ как прежде всего гражданско-правовой нормы несвойственных ей функций. В условиях корректного правового регулирования, включающего в себя нормы об эффективной уголовно-правовой конфискации, потребность в столь широком и не соответствующем закону толковании ст. 169 ГК РФ отпадет вовсе: она будет толковаться лишь исключительно как бланкетное правовое положение, обеспечивающее системность законодательства в части определения перечня оснований прекращения права собственности. До осуществления подоб-

ных изменений требуется формулирование высшей судебной инстанцией единого и соответствующего общему вектору развития правоприменительной практики подхода к разрешению подобных ситуаций, который, как представляется, должен быть основан не только и, возможно, не столько на буквальном толковании ст. 169 ГК РФ, сколько исходить из необходимости восстановления социальной справедливости и законности.

Представляется при этом, что основой такого подхода должен стать общий смысл законодательного регулирования, выраженный в совокупности существующих нормативно-правовых актов, направленных на всестороннее противодействие коррупции (в Федеральном законе от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральном законе от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», Указе Президента Российской Федерации от 19.05.2008 № 815 и др.), предполагающий, что *отсутствие специального закона как конкретного основания для взыскания преступных доходов не может оправдывать неприменение такого взыскания.*

Кроме того, уже наличие в отношении лица обвинительного приговора, констатация в нем факта преступного получения денежных средств даже при их неизъятии в рамках уголовного дела не могут быть irrelevantными, безразличными для права; неприменение же конфискации в приговоре не может быть препятствием для дальнейшего истребования незаконно полученных денежных средств. Иное толкование противоречило бы определению Российской Федерации как правового государства. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, Российская Федерация как правовое демократическое государство (статья 1, часть 1 Конституции Российской Федерации) вправе и обязана принимать для эффективного противодействия коррупции все необходимые правовые меры, в том числе направленные на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции (постановления Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П, от 9 января 2019 г. № 1-П).

При толковании анализируемых законодательных положений уместен и телеологический – целевой – подход. По смыслу ст. 169 ГК РФ и приведенного выше п. 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25

«О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в доход Российской Федерации все полученное сторонами, действовавшими умышленно, по ничтожной сделке, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, можно взыскать только в случаях, предусмотренных законом. Такое толкование закона соответствует замыслу законодателя, изложенному в пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации», на основании которого впоследствии был принят Федеральный закон от 7 июля 2013 года № 100-ФЗ, внесший изменения в ст. 169 ГК РФ. Согласно данной пояснительной записке, основная реформа содержания ст. 169 ГК РФ сводится к исключению из данного Кодекса изъятия в доход государства всего полученного по соответствующей сделке сторонами, действующими умышленно. Изъятие в доход государства возможно только в случаях, специально предусмотренных законом, в частности в случае совершения сделки, предметом которой является деяние, обладающее признаками преступления (дача взятки, наем убийц, исполнителей террористических актов и проч.).

Иными словами, с учетом целей законодателя, выраженных им в пояснительной записке и преследуемых при реформировании ст. 169 ГК РФ, очевидно, что достаточным для взыскания полученного по сделке в доход Российской Федерации в порядке гражданского судопроизводства является отнесение совершенного лицом деяния к умышленным преступлениям, его одновременная квалификация и как гражданско-правовой сделки, и как уголовного преступления (в том числе получения взятки).

Подобный подход соответствует и Государственной программе «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345, целью которой в частности является искоренение коррупции, а также Указу Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года», согласно которому основными задачами по реализации направления, касающегося обеспечения безопасности экономической деятельности, являются, в частности, создание условий, исключающих возможность сращивания интересов должностных лиц бизнес-структур и представителей государственных

органов, профилактика и предупреждение формирования коррупционных схем их взаимодействия, в том числе с участием в этих схемах представителей бизнеса иностранных государств.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>.

Примечания

1. Данное понятие впервые на уровне судебной практики было использовано Конституционным Судом РФ в Определении от 8 июня 2004 г. № 226-О.

2. Согласно ранее действовавшей редакции ст. 169 ГК РФ сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, ничтожна. При наличии умысла у обеих сторон такой сделки – в случае исполнения сделки обеими сторонами – в доход Российской Федерации взыскивается все полученное ими по сделке, а в случае исполнения сделки одной стороной с другой стороны взыскивается в доход Российской Федерации все полученное ею и все причитавшееся с нее первой стороне в возмещение полученного. При наличии умысла лишь у одной из сторон такой сделки все полученное ею по сделке должно быть возвращено другой стороне, а полученное последней либо причитавшееся ей в возмещение исполненного взыскивается в доход Российской Федерации.

3. Подобные выводы уже формулировались судами после июня 2023 г., в удовлетворении требований прокуратуры о применении последствий, предусмотренных ст. 169 ГК РФ, отказывалось (об этом см., например, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 августа 2023 г. по делу № 88-22985/2023, определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 августа 2023 г. № 88-16365/2023).

4. Не исключено, что приведенные решения суда первой и апелляционных инстанций станут предметами нового кассационного рассмотрения.

5. Об этом см., например, определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 января 2023 г. №88-1225/2023, определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 3 мая 2023 г. № 88-7667/2023, определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 2 июня 2021 г. № 88-12933/2021, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2022 г. по делу № 88-2484/2022, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 8 июня 2023 года, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 11 мая 2021 г. по делу № 88-10161/2021, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 21 сентября 2021 г. по делу № 88-21474/2021, определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2022 г. № 88-5450/2022, определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 4 апреля 2022 г. № 88-3953/2022, определение Третьего кассационного суда

общей юрисдикции от 6 сентября 2023 г. № 88-16022/2023, определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2021 г. № 88-1287/2021, 88-20599/2020, определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 7 февраля 2023 г. № 88-3781/2023, определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 9 марта 2021 г. № 88-2348/2021, определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 21 февраля 2023 г. № 88-2105/2023.

Список литературы

1. Долинская В.В. Интересы в гражданском обороте, их оформление и обеспечение их баланса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 2. С. 9–22.
2. Гайдук А.С. Гражданско-правовой принцип неприкосновенности собственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 28 с.
3. Соловьев В.Н. Принудительное изъятие имущества как основа достижения социальных функций государства // Российский судья. 2011. № 2. С. 5–7.
4. Романовский С.В. Принцип сочетания частных и публичных интересов в гражданском праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 32 с.
5. Шишкина О.Е., Бурцева С.С. Правовая определенность в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3. С. 166–181.
6. Пропостин А.А. Конфискация имущества: прошлое, настоящее, будущее: Монография. М.: Юрлитинформ, 2011. 264 с.
7. Борченко Д.Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: Понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 20 с.
8. Шахматов В.П. Составы противоправных сделок и обусловленные ими последствия / Отв. ред. В.А. Носов; Том. гос. ун-т им. В.В. Куйбышева, Юрид. фак. Томск: Изд-во Томского университета, 1967. 306 с.
9. Желонкин С.С. Недействительность антисоциальных сделок, нарушающих основы правопорядка и нравственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 27 с.
10. Гончарова В.А. Защита прав и охраняемых законом интересов участников недействительной сделки в гражданском праве России: Монография. Юстициформ, 2021. 248 с.
11. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 4. С. 9–101.
12. Кратенко М. О применении ст. 169 ГК РФ в качестве основания для взыскания суммы взятки в доход Российской Федерации // Уголовное право. 2011. № 5. С. 115–120.
13. Желонкин С.С. Конфискационные последствия антисоциальных сделок: соотношение частных и публичных интересов // Право и экономика. 2012. № 8. С. 4–8.
14. Буркина О.А., Устинов А.А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. №2 (28). С. 119–124.
15. Сергеев А.П., Терещенко Т.А. Антисоциальные сделки: отдельные вопросы правоприменения в сфере изменений Гражданского кодекса Российской Федерации // Арбитражные споры. 2014. № 2 (66).
16. Синицын С.А., Позднышева Е.В. Гражданско-правовые санкции за совершение коррупционных правонарушений // Законодательство и экономика. 2015. № 5. С. 7–10.
17. Тузов Д.О. Недопущение реституции и конфискация при недействительности сделок (о возникновении права собственности государства по основаниям, предусмотренным статьями 169 и 179 ГК РФ) // Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. в честь проф. Б.Л. Хаскельберга / Под ред. Д.О. Тузова. М.: Статут, 2008. С. 419–463.
18. Александрова Л.А., Никифорова Е.Ю. Признание взятки сделкой и вопросы межотраслевого регулирования при производстве по уголовному делу // Российский следователь. 2022. № 3. С. 24–28.

CONFISCATION (ART. 104.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RF) AND TURNING ALL PROCEEDS RECEIVED BY THE PARTIES IN AN ANTI-SOCIAL TRANSACTION INTO THE INCOME OF THE RUSSIAN FEDERATION (ART. 169 OF THE CIVIL CODE OF THE RF): PROBLEMS OF RELATIONSHIP AND ENSURING UNIFORMITY IN APPLICATION

V.A. Goncharova

The article is devoted to issues of interpretation and application of Art. 169 of the Civil Code of the Russian Federation for the purpose of confiscating from guilty persons income and damage received as a result of committing a crime. It is concluded that due to the ineffectiveness of criminal confiscation, courts use civil legal mechanisms, thereby ensuring maximum legality and fairness.

Keywords: antisocial transaction, confiscation, method of civil law regulation, judicial practice, reform of civil legislation.

References

1. Dolinskaya V.V. Interests in civil turnover, their registration and ensuring their balance // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021. № 2. P. 9–22.
2. Gaiduk A.S. The civil law principle of inviolability of property: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Ryazan, 2003. 28 p.
3. Solovyov V.N. Compulsory withdrawal of property as a basis for achieving the social functions of the state // *Russian judge*. 2011. № 2. P. 5–7.
4. Romanovsky S.V. The principle of combining private and public interests in civil law: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. M., 2008. 32 p.
5. Shishkina O.E., Burtseva S.S. Legal certainty in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation // *Asia-Pacific region: economics, politics, law*. 2021. № 3. P. 166–181.
6. Propostin A.A. Confiscation of property: past, present, future: Monograph. M.: Yurlitinform, 2011. 264 p.
7. Borchenko D.Y. Confiscation of property as a measure of a criminal law nature: Concept, nature, social purpose and procedure of application: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Kazan, 2007. 20 p.
8. Shakhmatov V.P. The composition of illegal transactions and the consequences caused by them / Ed. V.A. Nosov; Tomsk State University named after V.V. Kuibyshev, Faculty of Law. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1967. 306 p.
9. Zhelonkin S.S. Invalidity of antisocial transactions that violate the foundations of law and order and morality: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. St. Petersburg, 2011. 27 p.
10. Goncharova V.A. Protection of the rights and legally protected interests of participants in an invalid transaction in Russian civil law: Monograph. Justicinform, 2021. 248 p.
11. The concept of improving the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2009. № 4. P. 9–101.
12. Kratenko M. On the application of Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation as a basis for collecting the amount of a bribe to the income of the Russian Federation // *Criminal law*. 2011. № 5. P. 115–120.
13. Zhelonkin S.S. Confiscation consequences of antisocial transactions: the ratio of private and public interests // *Law and Economics*. 2012. № 8. P. 4–8.
14. Burkina O.A., Ustinov A.A. Confiscation of property as a measure to counteract corruption // *Bulletin of the Perm University. Legal sciences*. 2015. № 2 (28). P. 119–124.
15. Sergeev A.P., Tereshchenko T.A. Antisocial transactions: selected issues of law enforcement in the field of amendments to the Civil Code of the Russian Federation // *Arbitration disputes*. 2014. № 2 (66).
16. Sinitsyn S.A., Pozdnysheva E.V. Civil law sanctions for committing corruption offenses // *Legislation and Economics*. 2015. № 5. P. 7–10.
17. Tuzov D.O. Prevention of restitution and confiscation in case of invalidity of transactions (on the emergence of state ownership on the grounds provided for in Articles 169 and 179 of the Civil Code of the Russian Federation) // *Real rights: system, content, acquisition: Collection of scientific papers in honor of Prof. B.L. Haskelberg / Edited by D.O. Tuzov*. M.: Statute, 2008. P. 419–463.
18. Alexandrova L.A., Nikiforova E.Y. Acceptance of a bribe by a transaction and issues of intersectoral regulation in criminal proceedings // *Russian investigator*. 2022. № 3. P. 24–28.